УДК 882-07

АНТИЧНОСТЬ НА СТРАНИЦАХ РОМАНА В.Ф. ОДОЕВСКОГО “РУССКИЕ НОЧИ”

Эмирсуинова Н.К., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

Интерес В.Ф Одоевского к античности был постоянным, в его произведениях можно встретить ссылки на ученых и поэтов Древней Греции и Рима; в его наследии есть и оригинальные высказывания об особенностях античного искусства и философии. Однако тема «В. Ф. Одоевский и античность» ждет своего изучения. Особенно существенным является выяснение проблемы рецепции античности на страницах его романа «Русские ночи» – итоговой книги русского романтизма, которая суммирует многие мотивы, образы и идеи 1830-х годов. Суждения писателя по поводу античного наследия связаны с его общей концепцией развития культуры.

Смену человеческих цивилизаций В.Ф. Одоевский объясняет через любимое всеми любомудрами сопоставление истории с жизнью человека. По их представлениям, идущим от Шеллинга и немецкой романтической философии, каждый народ переживает стадии детства, юности, зрелости, старости и неизбежно умирает. История непрерывна, потому что на смену дряхлым народам приходят юные, они несут с собой животворную силу духовного возрождения и спасения мира. Исходя из этих представлений, определяются в романе исторические границы античности. «…Когда науки и искусства Египта погасли в разврате, - Греция обновила их силу в своих объятиях» и подарила человечеству “изумительные произведения древней науки и древнего искусства“ [1, 147]. Закат античного мира В.Ф. Одоевский видел в том, что “дух отчаяния заразил все общественные стихии гордого Рима”. Неверие, скептицизм, - это вернейшие, по В.Ф.Одоевскому, приметы одряхления, вымирания культуры. Еще одним, чрезвычайно важным, признаком старения жизни целого народа он считал эклектизм мнений в философии, отказ от цельных законченных систем мировоззрения. “В последних веках древнего мира все системы, все мнения были потрясены, тогда просвещеннейшие люди того времени спокойно соединяли самые противоречащие отрывки Аристотеля, Платона и еврейских преданий“ [1, 148]. Верный своей идее цикличности исторического процесса, В.Ф. Одоевский видел в факте возвышения Греции и Рима и в закономерном их упадке прямую параллель современному умирающему Западу. Состояние наук и искусства в Европе, по мнению писателя, очень напоминает то, что было характерным для последних веков античности: “Наука погибает! Религиозное чувство погибает! Искусство погибает!” Античность привлекала его как своеобразный поучительный факт истории, подтверждающий его трактовку исторического прогресса. Обращение к античности зачастую связано с настойчивым стремлением, путем аналогий и параллелей, постигнуть современность.

Античная мифология, литература и философия интересовали В.Ф. Одоевского и своими специфическими особенностями. Изучение античных ценностей давало возможность ставить и решать вопросы общеэстетического характера, именно этим можно объяснить его обращение к самым разным периодам античности: от первобытности до “века Перикла”. Несколько неожиданным кажется утверждение В.Ф. Одоевского о том, что ”в истории первый век до Гомера был развитием лишь одной стихии - науки. С Гомера до христианства прибавилось к тому поэзия.” [1, 195] Первая часть утверждения не покажется странной, если внимательно разобраться в условных символических определениях писателя, данных четырем стихиям человеческой жизни: науке, поэзии, любви, вере. Причем стихия науки обозначена им очень широко: “Наука есть знание, иначе образ воззрения на предметы ” [1, 196]. Русский философ под словом “наука” понимает то, что мы называем мировоззрением. Мифологические воззрения древних греков на природу и были своеобразной “наукой” с точки зрения В.Ф. Одоевского. Не случайно писатель далее говорит о том, что только с гомеровских времен зародилась стихия “поэзии”. Древняя наука (мы бы сказали мифология) и поэзия составляли в совокупности сущность античной цивилизации. Так, В.Ф. Одоевский дал специфическое объяснение этому феномену и отграничил его от эпохи Христианской, основной стихией которой, по его мнению, стала “любовь”. Эти заметки – под названием “Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства” были написаны еще в 1830-ые годы, и поэтому в них видны следы увлечения немецким философским систематизмом. Объясняя самые различные явления человеческой жизни, схематизируя их, он сводит все к основополагающим стихиям. В окончательном тексте “Русских ночей” концепция античности становится более многосторонней: мифология, философия, поэзия получают более диалектическую характеристику.

Древнегреческая мифология, по мнению В.Ф. Одоевского, возникла из стремления первобытных людей постигнуть духовную субстанцию мира, идею “божественного в человеке”: “Мы всегда облекаем лишь самые отвлеченные понятия в чувственную оболочку для того, чтобы их сделать осязаемыми, - мы духовному придаем вещественный образ: так должно было быть и в древних иносказаниях”[1, 207]. Считая, что в основе древних мифов о “Сатурне, отце богов, царствующем на земле”, о “Прометее, похищающем божественный огонь” скрываются “действительные предания”, писатель утверждает их большую познавательную ценность. В процессе рождения мифа, по его мнению, первенствовала “инстинктуальная сила”, еще не вытесненная позднейшим рационализмом. Эти мысли русского любомудра свидетельствуют о глубоком его интересе к античной мифологии и о серьезных предпосылках ее теоретического осмысления.

В.Ф. Одоевского интересовала, в частности, проблема соотношения мифологии и истории. Мифы о Троянской войне и римские легенды, по мнению писателя, являлись частью античной истории, об этом свидетельствует его негативная оценка попыток некоторых ученых опровергнуть достоверность мифологических сюжетов. В «Ночи девятой» особое место принадлежит речам органных дел мастера Альбрехта – учителя и философа: в его уста писатель вложил некоторые свои мысли. Альбрехт, рисуя картину первобытного существования и возникновения древнего искусства, насыщает свои монологи античными мифологическими образами: «Антей», «алкид», «Орфей», «Зевс», «титаны», «Сфинкс», «Эдип». Эти мифологические персонажи, по мнению Альбрехта – Одоевского, знаменуют собой переход от дорефлективного мифологизма – когда природа «вызвала человека сравниться с собой», к новому этапу, когда возникает «искусство! Эта могучая, ничем необоримая, сила – отблеск зиждителя, скоро покорила себе и природу, и человека…». Миф об Эдипе и миф об Орфее становятся в повести образным отражением этапов творческого процесса: первый – постижение жизненных тайн, его олицетворяет Эдип, угадавший «все символы двуглавого сфинкса», второй – выделение человека из природы, покорение её – «это торжественное мгновение жизни человечества люди назвали Орфеем, покоряющим камни силою гармонии» [1, 120]. Размышляя о связи «мысли» и «выражения», В.Ф. Одоевский вместе со своим героем попутно дает проницательную характеристику сути мифологического мышления: словом-образом называется одно огромной значимости явление, смысл которого заключен в простой мифологической ситуации.

Из обширной древнегреческой мифологии привлекаются те сюжеты, которые подтверждают воззрения автора романа. Например, для утверждения чисто романтической мысли: «нет минут непоэтических в жизни поэта» – писатель вспоминает древнегреческую легенду о статуе Мемнона, «которая беспрерывно издает гармоничные звуки» [1, 106]. Речь идет о Троянском мифе, который повествует о всеобщей связи явлений: герой Мемнон, превращенный руками людей в великолепную скульптуру, музыкой приветствует появление на небосклоне своей матери Эос – богини зари. Писатель-романтик, обращаясь к мифу, чрезвычайно углубляет эстетическую значимость «поэтических минут», символика мифа дополняется существенными нюансами: поэтическая натура связана тончайшими нитями с жизнью вселенной, ей открывается гармоническая тайна бытия, художественное творчество тождественно животворящей силе самой природы.

По мнению В.Ф. Одоевского, древние не были прагматиками-материалистами, от этого их спасало природно-стихийное мифотворчество – вера в возможность общих начал. Этим объясняется и романтическое неприятие писателем «железного» XIX века: «общая, живая связь наук потерялась, истинное знание все более и более забывается» – горько восклицает Фауст-Одоевский, в его представлениях античность обладала как раз такой «общей, живой связью наук», еще тесно переплетающейся с инстинктуальным проникновением в суть постигаемых явлений.

Весьма характерен в этом смысле следующий сюжет из «Русских ночей». На вопрос: «Не можете ли мне объяснить значение обрядов, которые наблюдались в древности жрецами Цибелы или Земли?» – человеком XIX столетия дается ответ: «Извините, филология до меня не касается, я агроном» [1, 165]. Сопрягая в этом диалоге две весьма отдаленные области знания: культурологическую и сельскохозяйственную, В.Ф. Одоевский констатирует печальную истину о распадении общих знаний на узкие специальности, на отсутствие интеграции этих знаний. В античном мире, с его синкретичными представлениями о жизни, слово-обряд-действие были единым процессом, поэтому истолковать его мог любой человек. Так В.Ф. Одоевский, иронизируя над строгой регламентацией и узостью научных школ и специализаций, предвосхитил те тенденции в изучении древнего мира, которые стали ведущими для мифологической школы и для других течений XIX века, рассматривающих миф и связанные с ним обряды в единстве философских, филологических и естественно-научных данных.

На страницах «Русских ночей» герои очень много рассуждают о поэзии, об искусстве, о спасительном значении гармонического воображения в меркантильном веке. Так, Фауст-Одоевский, обратившись к древнему мифу, находит в нем подтверждение идеям философского романтизма. Есть, по его мнению, немногие счастливцы, которые строят свой поэтический мир, «и неожиданно в сем мире отражается та гармония, которая звучит в душе самих зодчих; древность выразила этот замечательный акт

человеческой деятельности именем Амфиона» [1, 180]. Образ Амфиона, играющего на золотой лире, зачаровывающий даже камни, которые сами укладывались в стену, получает здесь неожиданный ракурс. Греческий миф расширяет смысловое поле романтического толкования могущества искусства, озаряет непривычным светом один из краеугольных моментов романтической эстетики и психологии творчества.

Интересно, что обращение к античной литературе почти всегда связано с желанием писателя провести аналогию с современной русской жизнью. В этом смысле примечателен фрагмент о разном значении комедии и трагедии для древнеримского и русского зрителей. «Народная трагедия» не могла ужиться в Риме, <…> в самой комедии благородный и тонкий Теренций не возбуждал участия, какое возбуждал Плавт своими площадными шутками. Римляне не были готовы воспринять трагедии вследствие недостатка просвещения и образования, а русский простолюдин больше любит трагедии, нежели комедии.» [1, 225] В этом, несколько субъективном заявлении заключается специфическая особенность историко-философских параллелей и сравнений писателя, где он своевольно соединяет русскую национальную стихию с греческой, противопоставляя их римскому менталитету. Причем, В.Ф. Одоевский проводит не только параллели, но и разграничения. Греки любили трагедию, что было следствием «роскоши образования», русские же наделены этим стихийным чувством трагического изначально: «оно родилось естественно, появилось из земли»

Суждения об античной трагедии – высшем художественном выражении «века Перикла», «века Софокла» – связаны с размышлениями В.Ф. Одоевского о поэтике собственного сочинения – о романе «Русские ночи». [2,133]. Образцом для него стала греческая трагедия, а именно, ее специфическая особенность – наличие в ней хора, в котором большею частью выражались понятия самого зрителя, хор этот был своеобразным «адвокатом господствующих в тот момент времени понятий», и считался древними «необходимой принадлежностью драмы».[1, 190] Для В.Ф. Одоевского древнегреческий хор – свидетельство удивительной прозорливости древних, которые считали, что в драме должна быть предусмотрена форма зрительского соучастия. Писатель сожалеет, что девятнадцатое столетие потеряло саму заботу о нём. А это, по его мнению, необходимо любому произведению искусства, чтобы избежать двух крайностей: с одной стороны, «лиризма и резонёрства», с другой–«холодной объективности». Идя от античности к современному и будущему искусству, В.Ф.Одоевский и создавал свой оригинальный роман «Русские ночи». Он построен как спор с потенциальным читателем, который может включиться в этот нескончаемый диспут.

В.Ф. Одоевский указывает и на другой источник из античной эпохи, оказавший влияние на саму идею «Русских ночей» – это «Диалоги» Платона, именно они подсказали жанровую форму романа, так как любомудра интересовала более всего «судьба той или другой идеи». Идеи античных философов, естественно, возникают в сознании героев романа, вокруг них ведутся дискуссии на страницах этой уникальной энциклопедии идей – от «элеатов до Шеллинга».

Платон оказал на становление романтического мировоззрения В.Ф. Одоевского особое влияние: «Платон произвел на меня глубокое впечатление, до сих пор сохранившееся, как всякое сильное впечатление юности» [1, 191]. Первоначальный замысел романа о «задачах человеческой жизни» строился как диспут именно античных мыслителей, только потом «вместо Фалеса, Платона и проч. явились современные тогда (*в 1830-ые годы – Н.Э.*) типы». Платон должен был стать одним из центральных героев новых «романтических» диалогов, которые бы наследовали, воспроизводили античную традицию.

Многие идеи античного философа вложены в уста центральных персонажей. Например, Фауст-Одоевский утверждает: «Если мы имеем идею равенства, красоты, совершенного добра и проч. – то они существуют в нас сами собою, безусловно и мы лишь как мерку прикладываем их к видимым предметам. Это говорил ещё Платон, и я не постигаю, как можно до сих пор толковать о деле, столь ясном» [1, 143]. Так определяется одна из центральных гносеологических проблем, существенных для писателя-любомудра.

Платоновская идея об изгнании поэта из идеального государства привлекала внимание В.Ф. Одоевского неоднократно. Цитата из «Государства» стала эпиграфом к его повести «Сильфида», в «Русских ночах» её вспоминает Фауст в связи с размышлениями героев об утилитарных теориях современности. В его устах перефразированное высказывание античного философа получает определенность притчи, обрастая выразительными подробностями, характеризующими меркантильный современный век и трагическую разобщенность в нем жрецов поэзии и прагматического большинства. «Поэты со времени Платона выгнаны из города; они любуются венками, которыми их увенчали; сидя на пригорке и смотря на город, они не могут надивиться, отчего все движется в городе с восхождением солнца и все замирает, когда оно зашло» [1, 73].

Фауст, развивая мысль о том, «что наибольшую роль играет во всей вселенной именно то, что менее осязаемо или что менее полезно», полемизирует с Платоном, не случайно после этих суждений помещаются повести о значении творческого духа: «Последний квартет Бетховена», «Импровизатор»,

«Себастьян Бах» , именно с «Ночи шестой» входит в романтический роман жизнеутверждающая мысль о «пользе бесполезного».

В диалоге Фауста и Ростислава в «Ночи девятой» речь заходит о Сократе, о его известном изречении: «все, что я знаю, это – что ничего не знаю» [1, 135]. Имя Сократа вспоминается в связи с проблемами герменевтического плана, поскольку выясняется вопрос взаимопонимания людей, беседующих об одном и том же предмете. Комментаторами замечено, что это изречение трактуется В.Ф. Одоевским в духе тютчевского афоризма: «Мысль изреченная есть ложь»[1, 296]. Наблюдение это можно дополнить. Автор романа наполняет слова Сократа особым смыслом: он рассматривает их в связи с трудностью выражения нравственных понятий, тем самым вычленяя в предельно-обобщенном высказывании лишь один аспект. Он допускает вариативность их истолкования, заявляя: «В этом смысле **может быть** и говорил Сократ», далее писатель указывает на связь этих слов с деятельностью Сократа: «он не молчал». Называя Сократа «ученейшим и деятельнейшим» человеком, автор «Русских ночей» дает глубокую трактовку древнему изречению, связав её с магистральной идеей романа, с его пафосом бесконечности человеческого познания. Он скорее полемизирует с тютчевским изречением, здесь проявляется и своеобразный спор с известным романтическим алогизмом В. А. Жуковского, заключающим стихотворение «Невыразимое»: «И лишь молчание понятно говорит…» Рассматривая слова античного философа в контексте его главного дела, В.Ф. Одоевский приходит к выводу о необходимости возникновения «некоторой симпатии» говорящих, как условия их взаимопонимания: понимать друг друга можно лишь тогда, когда «говоришь искренно и от полноты душевно», – так аргументирует свою мысль писатель, вызывая в памяти читателя круг ассоциаций, связанных с античной культурой философских бесед.

Центральной идеей эпилога романа является противопоставление России и Запада, в русской жизни писатель видит возможности спасения от европейского прагматизма и меркантильности, один из путей этого спасения – изучение исторического опыта. Обращения к античной эпохе в эпилоге вызваны желанием автора укрепить уверенность читателя в неизменном поступательном развитии русского общества: Россия также молода и богата духовным потенциалом, как когда-то Древняя Греция. Экскурсы в историю античной науки призваны ещё раз продемонстрировать высокий уровень знаний греков об окружающем мире. Писатель перечисляет различные открытия, сделанные в античности. И хотя с точки зрения новейших данных многое из этого наукой опровергнуто, показательна сама логика мышления автора: для выдвижения гипотезы о том, что древние знали секреты грозовых разрядов и даже управляли ими, приводятся не только научные факты, но и мифологические, цитируются фрагменты из Эсхила и Овидия, вспоминается редкое название Юпитера – Элиций, которое истолковывается как «притягиватель». В этом проявляется романтический максимализм В.Ф.Одоевского, преувеличение достижений первобытного знания, безграничное доверие инстинктуальному универсализму древних.

В античной культуре В.Ф. Одоевский находит основные истоки различных видов человеческой деятельности, в ней он ценит её естественную связь с жизнью природы, ощущение цельности бытия, искренность и наивность в постижении мира. Обращаясь к античной мифологии, философии, поэзии, музыке, он стремится обратить внимание современников на забытые человечеством ценности. На страницах этой уникальной книги античная цивилизация и античная культура выступают как цельная, завершенная система со своими особенностями и характерными признаками мышления древнего человека и его миропонимания. Однако чаще всего античность привлекается в романе «Русские ночи» для подтверждения размышлений писателя о путях развития русской национальной стихии. Таково назначение многочисленных сравнений, параллелей и аналогий современности и древности; они свидетельствуют о желании автора включить в свой интеллектуальный роман диалог с античностью, что становится существенным проявлением поэтики романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Одоевский В.Ф. Русские ночи. – Л., 1975.
2. Манн Ю. Проблема хора: В. Одоевский и «Русские ночи» // Манн Ю. Русская философская эстетика. – М., 1969.